

Степан Родин —

историк, японовед, преподаватель
кафедры истории и филологии
Дальнего Востока ИВКА РГГУ.

Язык

ЖЕСТОВ КУЛЬТУРЫ:

ПОПЫТКИ ИСТОРИИ ЯПОНСКОЙ РУКИ

Чем ближе к телу и «обычней» предмет исследования, тем сложнее к нему подобраться ученому. Задачи, которые ставят перед собой культурологи и историки, пытаясь реконструировать неотъемлемую часть культурного и исторического процесса — телесность, — до сих пор понятны не всем, неочевидны. Для научного наблюдения необходима некоторая дистанция между субъектом и объектом, обеспечивающая наиболее объемное его восприятие. Как же в таком случае изучать телесность в целом и части тела в частности, не прибегая при этом к экзгумации прошлого и анатомированию или, боже упаси, его собственному расчленению? И зачем вообще это нужно? Последний вопрос мне задают довольно часто как по поводу исследований телесности, так и касательно истории как науки. Однажды в ответ на мою пространную апологию исторических штудий я услышал поразительный комментарий: «То, чем вы занимаетесь, сродни уфологии». Дефиниция поразительно точная, если подвергнуть ее логической процедуре отрицания. Уфология рассматривает объекты, существование которых не доказано, с позиции их реальности. С историческими реконструкциями все

ровно наоборот — историк, работающий с письменными памятниками, вынужден подвергать сомнению даже существование отдельных частей тела, если он не встречается их упоминаний. Разумеется, данное положение несколько утрировано, особенно если речь идет о руках, ведь все объекты материальной культуры, унаследованные настоящим, все письменные свидетельства прошлого являются в буквальном смысле рукотворными. Нас же будет интересовать, насколько часто руки становились предметом описания авторов прошлого, в каких случаях о них вспоминали и какие культурные смыслы в них вкладывали. Мы не станем останавливаться исключительно на письменных источниках — изобразительный материал также служит отличным подспорьем в подобной реконструкции, — однако ограничимся рамками Японии традиционной, с упором на древние и раннесредневековые источники, как бы ни была соблазнительна идея «сквозной» истории руки. Японская культура с ее опорой на прецедент и традицию обнаруживает удивительную живучесть форм и механизмов самовоспроизводства, что придает особый интерес дальнейшим исследованиям телесности на японском материале.

Обручение мифов и истории.

Руки божественные, руки государственные

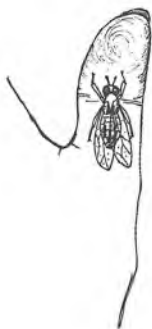
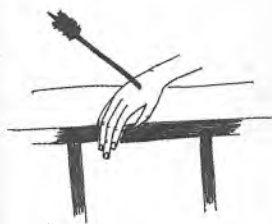
Первые памятники японской письменности появляются в VIII веке. Мы будем говорить преимущественно о мифологическо-исторических сводах «Кодзики» («Записи о деяниях древности», 712 год) и «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 год). Соматические объекты встречаются в них довольно редко, однако каждое отдельное упоминание представляется значимым, а анализ всех контекстов, в которых фигурируют руки, позволяет наметить некоторые общие принципы как описания тела, так и отношения к нему в древней Японии.

Следует сразу отметить, что в ранних текстах практически отсутствуют подробные описания внешности героев повествования, будь то божества или люди. Упоминание отдельных частей тела связано не с нормой, но с девиацией, отклонением от естественного порядка. К факторам, влияющим на формирование нормы, можно отнести как «позитивные» (количественно-качественное соответствие членов тела представлениям о норме; в случае с руками человека — наличие двух рук, по пять пальцев на каждой, правильной формы), так и «негативные» (отсутствие контактов с внешними раздражителями, воспринимаемыми тактильно). Сильнее всего тело напоминает о своем существовании в моменты боли, концентрируя наше внимание на отдельной его части.

Древние японцы в этом не отличались от нас — хронисты оказывались чувствительными к боли своих героев. Обратимся ко второму свитку «Кодзики», начало которого повествует о деяниях мифологического первоимператора Дзимму, чей единоутробный брат Ицусэ-но микото погибает, будучи раненым в руку стрелой, «боль несущей»: «„Ранил меня в руку низкородный раб, и я умираю“, — такой он издал мужественный клич и скончался» (Кодзики 1994: 36). Государю Юряку, чья рука пострадала от укуса слепня, повезло больше: «Проследовав на равнину Акицу, государь охотился там. Он сидел на помосте. Тут слепень ужалил его в руку. Сразу же появилась стрекоза, проглотила слепня и улетела» (там же: 196).

Связь между нормой и отсутствием боли подкрепляется упоминанием ордалий кукатати, заключававшихся, согласно мифу, в погружении рук в кипяток. Говорящий истину не должен испытывать боли и получать ожоги, пока его руки будут извлекать со дна кипящего котла маленький камушек. В «Нихон сёки» читаем: «Сановники, главы ста управ, управители всех провинций, все говорят о себе „мы потомки владыки“, или ссылаются на чудо, говоря, что они „спустились с неба“. Однако с тех пор, как проявились-разделились три начала, миновали десятки тысяч лет. Отдельные роды разделились, и появилось множество семей. Узнать о них Правду затруднительно. Поэтому пусть люди всех родов и семей совершат омовение и очищение и пройдут испытание кукатати погружением руки в кипяток» (Нихон сёки 1997: т. 1: 331). Исследователи считают маловероятной возможность реального бытования подобной практики в древней Японии — кукатати не упоминается ни в законодательном своде «Тайхо рицурё» (701 год), ни в каких бы то ни было других памятниках, кроме «Кодзики» и «Нихон сёки». Похожее испытание, призванное отделить правду от лжи, вновь вынырнет на поверхность японской истории лишь в эпоху Муромати (1333–1568), когда его будут называть юкисё, «клятвой на кипятке». Как знать, возможно, текст мифа вдохновил сёгунат Асикага на апробирование подобного способа верификации, к которому теперь прибегали не столько с целью установить истинность притязаний клана на родство с теми или иными божествами, сколько для доказательства причастности человека к краже (Нихонси кодзитэн: 2170). Для нас же важно, что боль (ее отсутствие), истина и норма выступают здесь в неразрывной связи, роль проводника которой играют руки.

Руки способны связывать воедино и конкретизировать не только абстрактные понятия. Соприкосновение рук мужчины и женщины служит прямым указанием наличия между ними сексуальных отношений, причем справедливо это и для божеств, и для людей. Различные

Испытание
кукатати

варианты мифа о порождении страны Ямато¹ и бесчисленного множества божеств-ками божественной парой Идзанаги и Идзанами содержат упоминания о том, что супругам необходимо было взяться за руки и обойти священный столб перед тем, как начать «брачное дело»: «Богиня-женщина заговорила первой и рекла: „Ах, какой прекрасный юноша!“ И вот, взяв за руки Бога-мужчину, заключила с ним союз мужчины и женщины» (Нихон сёки: т. 1: 121). Отметим также, что для творения японским божествам не всегда требовалась пара — достаточно было взять в руки определенный предмет, перед этим изъявив высочайшую волю: «Идзанаги-но микото рек: „Хочу я породить чудесное дитя, которое будет править Обиталищем“, — и взял в левую руку зеркало из белой меди, [зеркало же] превратилось в божество. Его именуют Оо-хирумэ-но микото. Потом он взял зеркало из белой меди в правую руку, и оно превратилось в божество. Его именуют Цукуюми-но микото» (там же: 122). В случае если миф уготовил божеству смерть, то части его тела также давали рождение новым существам.

Согласно хроникам, государи брали за руку женщин, приглянувшихся им: «Государь, увидев, как прекрасно ее [прислужницы] лицо и как изыскан облик, смягчившись, рек: „Отчего бы мне не хотеть увидеть

твое прекрасное улыбающееся лицо?” И, за руку с ней, он проследовал в задний дворец» (там же: 348). Подобное телесное поведение фиксируется и для простолюдинов, участвовавших в своеобразных «брачных играх» утагаки, во время которых пелись песни, а молодые люди определялись со своими вторыми половинками. Если мужчина останавливал свой выбор на какой-либо женщине, он брал ее за руку и состязался в умении слагать песни, отстаивая право на свою возлюбленную. Подобный обычай зафиксирован не только для Японии — в Китае и странах юго-восточной Азии он также был известен (Нихонси кодзитэн: 213), однако подробности относительно телесных контактов во время утагаки мы знаем не столько благодаря кропотливости японских придворных хронистов, сколько из-за восприятия таковых как отличных от нормы и потому обращающих на себя внимание.

Хроники фиксируют не только соприкосновения рук мужчин и женщин — возможны и другие контексты, так или иначе связанные с несколькими базовыми положениями. Подобный контакт предполагает сокращение телесной дистанции и, как следствие, нарушение статусной границы. В рассмотренных выше случаях он означал присвоение и обладание. Руки и ноги задействованы также с целью символического сближения «народа» и правителя. Последний наделяется сверхчувствительностью и делается способным переживать тяготы простых людей собственным телом: «Всякий раз, когда он видел, как они согнуты под бременем своих тягот, ему казалось, что это его руки и ноги мокнули в канавке для орошения полей» (Нихон сёки: 376).

Сокращение телесной дистанции также призвано обеспечить оптимальную трансляцию информации, предназначенной не для всех, передачу некоторого тайного знания, при этом дополнительным подтверждением как значимости данного процесса, так и сугубо доверительного отношения к адресату служило соприкосновение рук. В текстах подобная модель телесного поведения приписывается исключительно мужчинам: «Государь слег из-за болезни. Наследный принц отлучился, и его не было. За ним послали гонца на быстром коне, и он был введен в покои. Государь взял его за руку и рек: „Болезнь Наша тяжела. После Нас дела лягут на тебя. Ты должен напасть на Силла и восстановить Имна, чтобы вы стали как муж и жена, как то было в прежние времена. Если сделаешь так, то и Мы успокоимся после смерти“» (Нихон сёки: т. 2: 68).

Завершая разговор о руках как средстве преодоления телесной и социальной дистанции, добавим, что далеко не всегда они служат показателем силы и инструментом, сокращающим дистанцию, — определенные жесты и действия были призваны продемонстрировать покорность

и увеличить социальный барьер. Так, неоднократно встречаются указы, предписывающие отказаться от традиционного сидячего приветствия вышестоящего лица, во время которого подчиненному надлежало пасть ниц и коснуться ладонями и локтями земли, заменив его стоячим приветствием на китайский манер. Частотность указов свидетельствует об их неэффективности — тот, кто занимает более значимое положение в структуре государства, занимает и более высокое положение в пространстве. Данное утверждение справедливо для всего периода, именуемого «традиционной Японией». Действия, выражающие покорность, также производились посредством рук: варвары эмиси добровольно сложили руки за спиной, подобно пленникам, подчинившись силачу Ямато-такэру, а правитель корейского государства Силла, убожавшись государыни Дзингу, связывает себе руки за спиной белым шнуром и кланяется ей.

Что касается количественно-качественных показателей, то, опять же, почти во всех случаях упоминание соматических объектов — и руки не являются исключением — вызвано необычностью ситуации или отклонением от некоторой нормы. Первым ребенком, порожденным божественной парой Идзанаги и Идзанами, стало дитя-пиявка Хируко, не имевшее ни рук, ни ног и не признанное за божество (там же: т. 1: 121). Довольно часто телесность фигурирует в описаниях различных варварских племен, окружавших Ямато. Отмечается, что во время исполнения песен племени кумасо служители Музыкальной палаты «руками двигают размашисто», повторяя движения варваров. Кумасо повезло больше, чем племени цутигумо, дегуманизация образа которых достигла куда больших высот: «...цутигумо еще жили в селе Такаовари. Видом они были: туловище короткое, а руки-ноги длинные, на карликов хики-хито не похожи» (там же: т. 1: 191). Государственные хроники и мифолого-исторические своды фиксируют набор базовых представлений о телесности, о норме и девиации, однако они почти не содержат прямых оценочных суждений. Неправильно — это еще не неприятно и не всегда ужасно. За оценками и эмоциями направимся на страницы средневековых аристократических дневников и произведений изящной словесности.

Что трогает аристократов?

Что трогали аристократы?

Эпоха Хэйан (794–1185) считается «золотым веком» японской литературы. Авторами наиболее известных и чтимых произведений были женщины. Среди них особенно выделяются Мурасаки Сикибу, автор

«энциклопедии придворной жизни», «Повести о принце Гэндзи» (начало XI века), и Сэй Сёнагон, чьи «Записки у изголовья» (996–1012) считаются шедевром эссеистического жанра дзуйхицу (дословно — «вслед за кистью»). И Мурасаки, и Сэй Сёнагон уделяют немало места описаниям того, что красиво и некрасиво, приятно и неприятно, прилично и неприлично. Описания телесности, однако, довольно редко бывают сколь-нибудь пространными. Все чаще фрейлины ограничиваются констатацией факта: руки одной дамы «изящны и красивы», а другой — не очень. Но все же некоторые сведения значительно обогащают наши знания об эстетике тела. Ценится тонкость, изящество, бледность, даже некоторая, почти нематериальная, прозрачность: «Что-то необыкновенно трогательное было в ее хрупкости. Тонкие, слабые руки словно просвечивали насквозь, но кожа оставалась все такой же белой и нежной. Покрывало было отброшено в сторону, и чудилось — под мягкими белыми одеждами ничего нет: как будто кукла лежала перед ним, у которой пышное платье скрывает отсутствие тела», — описывает Мурасаки одну из своих героинь (Мурасаки Сикибу 2010: 319–366). «Записки» Сэй Сёнагон, напротив, не «деконструируют» тело, но описывают его во всей «плотскости», не всегда приятной автору и не всегда принятой в японском обществе. Несмотря на хронологическую, жанровую и дискурсную разницу между государственными хрониками и изящной словесностью, представления о должном и правильном в точности соотносятся с эстетическими категориями, и если упоминаются руки, то вряд ли стоит ждать радости автора. «То, что докучает» и «То, что наводит уныние» — названия коротких главок-данов произведения Сэй Сёнагон, в которых упоминаются руки. «А иной гость все время вертит руки над горящей жаровней, трет и разминает, поджаривая ладони на огне. Кто когда видел, чтобы молодые люди позволяли себе подобную вольность?» (Сэй Сёнагон 1998: 74) — недоумевает автор. Приличный человек должен сдерживать проявления собственной телесности, избегая размашистых, неконтролируемых жестов. У персонажей мифов подобные действия вызывали смех. Аристократы также посмеиваются над подобным поведением, но чаще оно им «докучает» и служит маркером, разделяющим придворных и простолюдинов.

Разумеется, не надо думать, что руки в хэйанских текстах выступают исключительно в двух ипостасях — это не только объект любования и негодования, это еще и инструмент получения наслаждения и самореализации в придворном мире — красивый почерк и умелая игра на музыкальных инструментах были способны повысить статус придворного. Если мы составим самый общий, приблизительный список тех объектов, которых касаются руки аристократов, он будет не очень

велик — куда большее пространство осваивалось взглядом, нежели прикосновением, — однако и тактильность играла не последнюю роль. Есть объекты, оказывавшиеся в руках и женщин и мужчин — это кисть для письма, бумага, веер, цитра кото, собственные щеки или подбородок (поза задумчивости), дети. К исключительно мужским стоит отнести соколов — охота не входила в число женских занятий. Женщинам же не возбранялось брать на руки кошек. Но все же нивелирование непосредственных тактильных контактов между аристократами очевидно. Если верить хэянской литературе — как поэзии, так и прозе, — мужчины все реже берут женщин за руки — более привычной становится ситуация, когда кавалер касается рукава дамы. Рукав защищает тело от телесных жидкостей — слез, он же нередко служит изголовьем, предотвращая соприкосновение руки и лица. Чем выше статус, тем менее выражена соматика. Чем выше статус, тем сильнее тело «задрапировано». Так, после замужества женщине следовало носить кимоно с длинным рукавом, девицы же довольствовались коротким.

Руки здоровые

Японская традиционная медицина, опиравшаяся на китайские практики, не прибегала к хирургическому вмешательству в тело человека, и многие страницы ее истории до сих пор остаются нераскрытыми. Так, мы знаем, что японцы умели вылечивать переломы рук и вывихи кистей — упоминания об этом есть во множестве источников. Но, как ни странно, мы не знаем, становились ли, скажем, ранения, полученные воинами на полях междоусобных сражений, смертельными для них, — мне не встретилось ни одного изображения одорукого или одноногого самурая — одноглазый и одорукий ронин Тангэ Садзэн, чей образ широко растиражирован стараниями кинематографа и комиксов, не имеет исторического прототипа, что, конечно, не исключает возможности того, что люди с подобными увечьями выживали. Однако для Японии традиционной картина эта была совершенно не характерной — тем сильнее было их удивление, когда они побывали на русском Дальнем Востоке. Так или иначе, главной задачей было сохранить целостность телесной оболочки.

В буддизме тело является инструментом достижения просветления, и руки могут оказать в этом существенную помощь посредством мудр, широко присутствующих в иконографии почитаемых существ буддийского пантеона. Согласно представлениям конфуцианства, чьи позиции окончательно укрепляются в эпоху Токугава (1600–1868), тело дано че-

ловеку для того, чтобы служить — родителям, старшим, государю, — и содержать его поэтому надо в надлежащем порядке. Руки следует содержать в чистоте для общения не только с божествами (рядом с входом на территорию любого храма и святилища располагались сосуды для омовения рук и лица), но и с выпестоящими. Чистота рук и ухоженность ногтей были признаком культурности. Так, Хирата Апутанэ (1776–1843), один из выдающихся наставников эпохи Токугава, сравнивая голландцев с китайцами, пишет, что голландцы более культурны, поскольку стригут ногти и бреют бороду (Мещеряков 2012: 138). Если мы посмотрим на японские гравюры и росписи на ширмах, мы обнаружим, что длинными гипертрофированными ногтями, нередко красного цвета, обладали исключительно существа демонические и неприятные. Ногти самураев изображались короткими, но прорисовывались отчетливо, и, похоже, служили показателем силы их обладателей. В изображении ногтей и рук женщин закономерности выявить не удастся: бывало, что ногти прорисовывали, бывало, что нет, однако ни длинных, ни покрытых цветным лаком ногтей на изображениях красавиц обнаружить не удалось.

Вернемся к текстам. В медицинских трактатах, равно как и в энциклопедиях, в разделах, посвященных общему описанию человеческого тела, руки часто не вычленились вовсе, хотя и становились предметом рассмотрения в отдельных главах. В рубрике «Телосложение»

Вакан сансай
дзукай,
свиток 12,
1712

энциклопедии «Вакан сансай дзу» (1712), составителем которой был Тэрасима Рёан, врачеватель эпохи Токугава, читаем: «Человеческое тело опирается на принципы [устройства] Неба и Земли. Голова подобна Небу, ноги подобны Земле, кости подобны камню, мясо — почве, суставы — дороге, а волосы на голове и теле — траве и деревьям, глаза уподобим солнцу и луне, кровь — воде морской, дыхание — ветру, два вида отправления — дождю, а пот — росе. Вот что говорили в древности» (Вакан сансай дзуэ 1712). На этом череда сравнений не кончается — автор уподобляет части тела зданию, но места рукам в этой постройке не находится. Основное внимание концентрируется на своеобразных экстремумах человеческого тела — голове и ногах, середина же выпадает из поля зрения. Само название энциклопедии — «Японо-китайское иллюстрированное собрание трех начал» отсылает нас к китайским натурфилософским представлениям о человеке и его месте в мире. Три начала — Небо, Земля и человек, все сущее, — образованы путем взаимодействия темного и светлого начал, инь и ян, которые соотносятся в том числе с определенными частями тела. Вот как, например, описываются свойства пальцев рук:

«Большой палец — большой инь — легкие.

Указательный палец [дословно — „кормящий“, указывающий на рот] — ян, светлый, большой — кишечник.

Средний палец [дословно — „командующий“] — средний [дословно — „бледный“] инь — сердце, свернутость.

Безымянный палец — малый ян — три полости.

Мизинец [дословно — „маленький“ или „младший“] — малый инь — сердце» (там же).

Представления о всеобщей взаимосвязанности органов тела и зависимости их состояния от темного и светлого начал можно наблюдать в гораздо более раннее время — похожее описание, равно как и названия пальцев рук, встречается и в «Вамё руйдзюсё», наиболее ранней из сохранившихся «энциклопедий» подобного рода, создание которой датируется первой третью X века.

Что же касается...

или не касается...

Ни для кого не секрет, что и в современной Японии до сих пор не укоренились рукопожатия — им предпочитают приветственный поклон, сохраняющий дистанцию между людьми и не требующий соприкосновения. Японская культура не знала ничего, подобного европейским парным танцам, в которых партнеры держатся за руки и тесно при-

Фотографии
супружеских пар,
ок. 1940 //
[www.etsy.com/shop/
NieceGallery](http://www.etsy.com/shop/NieceGallery)

жимаются друг к другу. Даже после «открытия» страны во второй половине XIX века подобные техники тела не снискали одобрения. Члены первой официальной миссии, направленной сёгунатом в США в 1860 году, попав на бал, с трудом скрывали свое недовольство происходящим (Мещеряков 2006: 88–89). Телесных контактов следовало избегать как неприличных, нарушающих церемониал, вредящих скромности и добродетели. Вплоть до самого недавнего времени на улицах Токио было невозможно увидеть не то что целующиеся парочки — за ручку тоже никто не ходил, однако в настоящее время ситуация меняется. Отсутствие культуры публичных прикосновений косвенно подтверждается еще и тем фактом, что в японском языке не проводится строгого различия между выражениями «идти, взявшись за руки» и «идти под руку», — ведь в той же России или Европе второй тип контакта был социально приемлемым и приличествующим по этикетным соображениям². В Японии считалось неприличным не только прикосновение на людях, при свидетелях реальных, но и при наблюдателях гипотетических. На сохранившихся фотографиях супружеских пар конца XIX — первой половины XX века мы не обнаружим ни людей обнимающихся, ни касающихся друг друга.

Определенным исключением из правил является фотография, сделанная Кимбэем Кусакабэ (1841–1934) в 1890 году, однако она не может считаться «типично японской», поскольку сам Кимбэй работал в основном с иностранцами, и перед нами предстают не собственно японцы,

Кимбэй
Кусакабэ.
Молодая
пара, 1890

а японцы, «изображающие» иностранцев, и это сплетенье рук лишь подчеркивает границу между Японией и Западом, но, чтобы ее прочувствовать, необходимо сперва выучить «язык жестов» культуры.

Литература

Вакан сансай дзуэ 1712 — record.museum.kyushu-u.ac.jp/wakan/wakan-jin (на яп. языке; по состоянию на 27 января 2013 г.).

Кодзики 1994 — Кодзики. Записи о деяниях древности. Свитки 2-й и 3-й / Пер. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. СПб.: Шар, 1994.

Мещеряков 2006 — Мещеряков А. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006.

Мещеряков 2012 — Мещеряков А. Стать японцем: топография и приключения тела. М.: Эксмо, 2012.

Мурасаки Сикибу 2010 — Мурасаки Сикибу. Повесть о принце Гэндзи / Пер. с яп. и коммент. Т.А. Соколовой-Делюсиной. СПб.: Гиперион, 2010.

Нихон сёки 1997 — Нихон сёки. Анналы Японии. В 2 т. СПб.: Гиперион, 1997.

Сэй Сёнагон 1998 — Сэй Сёнагон. Записки у изголовья // Японские дзуйхицу. СПб.: Северо-Запад, 1998.

Примечания

1. Древнее название Японии.
2. Данным наблюдением я обязан А.Н. Мещерякову.